

Литературные традиции

«Железный город. Богатырь на страже...»

Стихи поэтов – первостроителей Магнитки стали летописью эпохи индустриализации

Героическое поколение первостроителей осталось в нашей благодарной памяти – и в магнитогорской литературе, в которой звучат голоса поэтов, чей талант был ограничен в 1930-е у подножия Магнитной горы.

Канун двойного праздника, Дня города и Дня металлурга, – время, когда хочется перечитать стихи тех, кто возводил Магнитку. Сегодня в нашей литгостинной – стихи шести

поэтов, оставивших заметный след в истории и литературе нашего города. Их творчество – лишь часть мощного пласта культуры того времени.

Михаил Заболотный (1908–1993) и Борис Кривощёков (1913–1973), которых мы знаем как Михаила Люгарина и Бориса Ручьёва, были закадычными друзьями – они и на Магнитострой отправились вместе. Магнитогорск стал их второй родиной.

Их собрату по перу Александру

Ворошилову (1911–1932), также приехавшему на всесоюзную комсомольскую стройку в 1930-м, была отмерена короткая жизнь – он простудился в 40-градусный мороз и скончался от скоротечной чахотки. Остаётся только предполагать, как мог бы расцвести со временем его поэтический дар.

Нина Кондратковская (1913–1991) приехала на Магнитострой в 1934-м. На это решение повлияло знакомство с Ручьёвым и Люгариным, а на поэтическое становление – стихи Александра Ворошилова, которому через много лет она посвятит поэму «Трубач с Магнит-горы» (12+). Когда Нина

Георгиевна стала наставником молодых литераторов, те с теплом и любовью называли её баба Нина.

В 1934-м приехала в наш город и Людмила Татьяничева (1915–1980). Позднее она переехала в Челябинск, а затем в Москву, однако десятилетие в Магнитогорске она с благодарностью вспоминала всю жизнь – в особенности то, как в «писательском» бараке в первые дни на уральской земле её приютила семья Люгариных...

Всех их связывали чтение стихов и жаркие споры в легендарной литгруппе «Буксир», которую создал и вёл Василий Макаров (1905–1938),

поэт трагической судьбы, репрессированный в чёрном для страны 1937 году. Василий Александрович объединил в дружное творческое сообщество людей, которые писали не в тиши кабинетов, а в бараках в свободное от работы время, отрывая драгоценные часы от сна. Вопреки всем испытаниям, они верили в то, что творят историю, что впереди – светлое будущее. Магнитка, которой мы гордимся сегодня, навеки сохранила в себе отпечаток их самоотверженного труда, горячей любви и яркого таланта.

Елена Лещинская

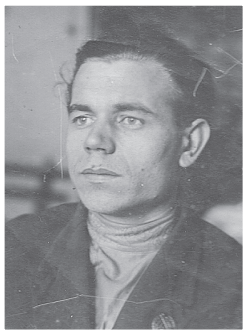
Борис Ручьёв

Александр Ворошилов

Нина Кондратковская

Василий Макаров

Людмила Татьяничева

Михаил Люгарин

Поэзия

Борис Ручьёв

Из поэмы «Прощание с юностью»

Не может быть, чтоб силою отгула
родных гудков, их вечного «Пора!»
по-матерински нас не притянула
к груди своей Магнитная гора.
И, как солдаты, после битв живые,
испытанные болью огневой,
пройдя все испытанья силовые,
мы возвратились в вечный город свой.
Великий город, непокорный бурям,
своим трудом построенный навек,
свой – без церквей, без кабаков,
без тюрем,
без нищих, без бандитов, без калек.
Железный город. Богатырь на страже.
Работой дни и ночи занятой,
поднявшийся над всею злобой вражьей
стальной творимой вечно высотой.
Здесь, как огонь, сердца людские чисты
и крепостью похожи на руду.
Здесь мы всю жизнь живём
как коммунисты,
по радостям, по чести, по труду...
На холоде ладони разогреем
в руках друзей – товарищей своих,
по всем цехам, забоям, батареям,
на всех углах площадок заводских.
И до утра не в силах распроститься,
смутив себя, присядем у стола,
дивясь тому, что детских снов
жар-птица
когда-то нашей юностью была.
Спасибо ей за сказку в колыбели,
за первую изведенную страсть,
за то, что заставляла рваться к цели,
без страха заблудиться или пасть,
за то, что жаждой мучила немало,
лишала нас еды, терпенья, сна,
когда для взлёта крыльев не хватало,
а улица казалась нам тесна.
Но не забудем пустоцвет во взгляде,
когда, глазами избегая тьмы,
мы гордо жили, в тень свою не глядя,
и только в муках прозревали мы.
И враз поймём, что мы совсем не дети,
и наши раны пот солёный жжёт,
и не было, и нет жар-птиц на свете –
есть наша воля жить на полный взлёт.
И мы – почти что веку одногодки –
про юность песни вечные споём,
за юность нашу выпьем доброй водки
в последний раз... И чарки разобьём.

Александр Ворошилов

Из поэмы «Первая победа»

Налево и направо,
Куда ни глянь, –
Железная оправа,
Бетонный глянец.
Снег из-под лопаты,
Как бомбы дым.
Угрюмый экскаватор,
Тяжёлые следы.
Железные, корявые –
Пара лап.
От дыма весь кудрявый
Гигантский краб.
Хоботом зубастым
Дробя гранит,
Карабкается властно –
В прокопчённой брони.
А вагонетка рядом,
И в ней песок.
В грохочущем параде
Поёт колесом.

Быстрей лечу
С барханных круч,
Навстречу дым
Кипучих туч,
Навстречу дню
Небесных вод.
Во мне одно –
Лететь вперёд!

Ударные бригады,
Сердце огонь!
И лучше не угадывай
Вчерашний прогон!
В гальке и бетоне
Ковыльные места.
В бетоне том потонет
Степная красота.
А лучше и не надо –
Порыв и взрыв!
Ударною бригадой
На штурм горы!
Копытами нематыми
Арки – в цепь.
Шпунтами мы забитыми
Сграбастали степь.
Трещотки пулемётят,
Круша пласты,
И на курганном взлёте
Качаются кусты.
Верно Ларин целится –
Темпами в путь
Падает по Цельсию
Быстро ртуть.
Сорок пять градусов
Ниже нуля!
.....
– Товарищ, радуйся.
Сдались поля!

Нина Кондратковская

У городского костра

Отжившие бараки – под бульдозер.
Стропила стонут. Ухают венцы.
Тут барка жизни прошлое

выносит,
А время рубит жалкие концы.
Тут ребяшня копаётся, как дома,
В судьбе отцовской, к памяти

глуха:
Кровать и примус – в план
металлолома,
В макулатуру – писем вороха.
Татарскую гармошку-однорядку,
Коптилку-лампу ржавую – пинком,
Клеёчатую общую тетрадку
И сундучок с поломанным замком –
В костёр, в распыл, на ветер –

всё в порядке!
Клеёнку вмял в суглинок самосвал...
А может быть, впервые

в той тетрадке
Первостроитель имя написал,
Над буквами потел и сутулясь,
Не ведая, что за великий труд
Тем именем одну из лучших улиц,
Построив город, люди назовут?
Или в руке беззого героя,
Перемахнув отеческий предел,
На фотографиях Магнитостроя
Тот сундучок всю землю облетел?
А может, под лихую однорядку
Забывшие эпохой мастера,
Как первый храм, поставили
палатку
И освятили песней у костра?
И в прахе писем, пущенных
на ветер,
Душа кричит, живёт тепло руки
Того, кому к подножию бессмертья
Приносим слёзы, память и венки...

Василий Макаров

Есть кокс!

Ударникам-комсомольцам
коксохима
Сверкающий итог борьбы
выносит наша честь.
Уже дымятся две трубы
двух коксовых печей.
Ток энтузиазма влит
в сердца и провода.
Электростанция гудит
турбинами труда.
Аллея скрубберов стройная;
наклонный мост высок.
За первый слиток чугуна
уж голосует кокс.

Две батареи – это два
рекорда быстроты:
и ты – ударная братва,
и дело славы – ты!
Две батареи – это две
ударных школы кладки;
металлургический расцвет
строительной площадки.
Восьмою батареей дан
в цеха металла старт.
Здесь бой ударного труда
победным коксом стал.
Здесь начинается вторая
коксохима жизнь;
победа трудовая,
промышленный режим.
Бетонолитным строем
воль ударных бригад –
по темпам самый боевой
встаёт комбинат.
В работе не забудь учесть
Мазетовых рекорд.
И как героизм и как честь
сверкает Магнитогорск!
Огнём ударного труда
и камерным огнём
первый кокс Магнитки дан;
черёд – за чугуном!

Людмила Татьяничева

Живая летопись

По белой азиатской пыли
С мечтой о невозможном чуде
Кочевники здесь проходили,
Устало горбились верблюды,
И было это не когда-то
В седые времена Батые...
Хранятся в памяти все даты:
Ведь мы свидетели живые,
Магнитогорска старожилы.
Мы тем, быть может, знамениты,
Что в горные проникли жилы
Упрямой силой динамита.
Лопатой рыли котлованы
В степи,
Дремавшей непробудно.
Качались на волнах бурана
Палаток парусные судна...
Пройдём по городу, товарищ,
На каменную выйдем площадь.
Ты этот дом припоминаешь?
А дерево вот это помнишь?
Любуясь на сады и скверы,
На город, залитый огнями,
Не сразу мы с тобой поверим,
Что создано всё это нами!
Но, день за днём припоминая,
Мы улыбаемся, как дети:
И впрямь – мы летопись живая
Кипучих будней пятилетий!

Михаил Люгарин

Магнитострой

Ветеранам Магнитостроя
А. И. Бричко, П. Г. Кычакову,
И. В. Голубеву и другим посвящаю

Я Магнитку знаю с колыбели –
Не моей, а нашей, заводской.
Был июнь, свистели коростели,
Жаворонки в синеве звенели –
Первые рабочие артели,
Как умел, встречал Магнитострой.
Был он молодым и седовласым.
Чтоб нам снились розовые сны,
Из уральской голубой сосны
Набивал опилками матрасы,
Заносил в палатки топчаны.
До чего же был он неприглядным...
Ни тебе землянки, ни двора.
Дом холиковый – наш очаг

бригадный
И как бог – Магнитная гора.
Вот ведь – неказиста, а богата!
Не уходит в тучи, как Памир,
Камениста, рыжа да горбата,
А молва о ней на целый мир!
Знали мы, что дело наше свято,
Не молва призвала нас, а жизнь.
Чтоб одеть страну

в стальные латы,
Без Магнитки нам не обойтись.
Получив на складе рукавицы,
Острые лопаты, топоры,
Сдуру мы могли переkreститься,
Скинув шапки у Магнит-горы.
Начинался день, и был он жарок.
Мы мужали, а завод наш рос.
Вой моторов, пенье циркулярок
И грабарок тысячи колес.
Как на ринге, проверяли силы:
Тот из Тулы, этот из села.
На плечах мы брёвна подносили,
В котлованах землю «молотили»
Остриём двууглового кайла.
Сотни рук на каждом повороте
Поднимали гулкие цеха...
Невозможно при такой работе
Обойтись без песни и стиха!
И тогда, склонившись

над тетрадкой,
На исходе яростного дня
Строчками про первую палатку
Друг мой подзадоривал меня.
Вспоминаю, веря и не веря,
О былом-далёком, как в бреду,
Что ходил в лаптях не по размеру
У невест Магнитки на виду.
Не смущали лапти и папахи!
Красный флаг – был символ
и пароль.
Ближе к телу та была рубаха,
На которой выступала соль.